

ТАМ, ГДЕ
цветут
РОЗЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дэйдрим Дэйдрим

Там, где цветут розы

<https://litres.ru/74242532>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда судьба сводит двух людей в самый неподходящий момент. Когда один уже почти связан обещаниями, а второй привык забирать то, что хочет, не спрашивая разрешения.

Шрамы бывают не только на теле, но и на душе, а настоящая близость требует смелости — гораздо большей, чем кажется на первый взгляд. Это история о том, как страшно и сладко наконец-то позволить себе почувствовать. История страсти, которая вспыхивает вопреки всему.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Оливия	13
Глава 2. Эрон	22
Глава 3. Оливия	33
Глава 4. Оливия	41
Глава 5. Эрон	58
Глава 6. Оливия	66
Глава 7. Эрон	74
Глава 8. Оливия	83
Глава 9. Эрон	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Дэйдрим

Там, где цветут розы

Пролог

— Просто обещай мне, что вернешься к субботе.

Аполло был взбешен. Его голос звенел, как натянутая струна, готовая лопнуть и отсечь мне яйца. И если честно, у него было полное право злиться на меня. Я обещал быть дома в понедельник. Сегодня уже четверг, а я все еще хрен знает где.

— Я буду в субботу, — сказал я, пропуская горсть золотистых листьев сквозь пальцы. Сожженные солнцем, они моментально крошились в труху. — Ничто не остановит меня на пути к маминому стейку.

— Будет не только стейк, мудила, — съязвил брат. — Мясной пирог, куриная похлебка, морковный торт. Все то дерьмо, которое ты пожирал как гребаный греmlin, когда мы были мелкими.

Его слова ударили глубоко — туда, куда я предпочитал не заглядывать. Слово «дом» всегда приносило с собой приятную тоску. Родное место, которое пахло розами, купающимися в солнечных лучах, и жареным мясом с папиного гриля. Одно лишь это слово будило воспоминания о ветре, иг-

равшем с кронами деревьев, на которые мы с Аполло постоянно лезли, царапая босые ноги и ставя синяки. О мягких стопах в темноте, когда мы убегали на утес с девчонками, пахнувшими летом и сексом.

Эти воспоминания тянули меня назад. Я любил возвращаться домой. Но уезжать любил еще больше. Потому что мое сердце билось неправильно, если я не находился в самом центре хаоса.

— Я могу хотя бы узнать, где ты, блять, сейчас? — голос Аполло упал на октаву ниже. Это могло значить только одно — мама рядом.

— Где-то, где очень жарко и очень влажно, — я закрыл глаза, подставляя лицо закату, пробивавшемуся сквозь тропические кроны. — Джунгли, поющие птички, ядовитые жу-

ки, которые пытаются меня угандошить. Райское место.

— Отлично. Скажу ей, что ты на острове трахаешь супер-модель, между делом попивая маргариты.

Я засмеялся.

— Пусть будет две. Скажи, что все это в сугубо дипломатических целях.

Мама ненавидела мою работу так, как может ненавидеть только вдова, выплакавшая все слезы по мужу. Она называла ее «самоубийственной». Говорила, что если я действительно люблю ее, то брошу и перестану играть со смертью. Поэтому для нее я занимался «международной дипломатией». И брат всегда меня покрывал.

«Он укрепляет международные отношения, ма».

Но Джун Экхард была слишком умной женщиной, чтобы хоть на секунду поверить в нашу брехню. Потому что мои шрамы не умели лгать. Каждый раз, когда я входил в парадную дверь поместья, мама смотрела на меня как на призрака — словно в любой момент вместо моей улыбающейся рожи ей могли вручить сложенный флаг.

Тень скользнула в боковом зрении. Бигль подал сигнал.

— Мне пора валить, — оборвал я Аполло. — Увидимся в субботу.

— Ага... давай осторожней, чувак, — пробурчал брат, прежде чем связь прервалась.

Я сунул телефон в карман. Кровь начала закипать от прилива адреналина.

Скоро я буду дома.

А сегодня мне нужно просто выжить.

Я поднялся, разминая затекшие мышцы. Позвонки в шее хрустнули. В это время года джунгли превращались в настоящую топку. Густой, липкий воздух обволакивал кожу плотной пленкой. Капли пота катились по спине, насквозь пропитывая футболку. Пожалуй, сейчас я продал бы душу за бутылку ледяного пива и прохладный ветерок.

— Маркос зашел в здание, — раздался в наушнике голос Бигля. — Мы готовы выдвигаться по твоей команде.

Тринадцать месяцев.

Столько мы охотились за Родриго Маркесом. Тринадцать ебаных месяцев смерть дышала ему в затылок. Три континента. Две взорванные к чертям базы. Десятки невинных и почти сотня головорезов.

Маркес был не просто очередным псом картеля. Он был чертовым королем всего Восточного побережья. Богатая, влиятельная, тщательно охраняемая скользкая змея. Он сидел на вершине пищевой цепи, пока Бюро не прижало вашингтонских политиков и не заставило их подписать контракт на его устранение.

Мы были не единственными, кто шел за Маркесом. Три другие группы тоже охотились за ним. Я всех их знал. С одними тренировался, с другими дрался в баре на авиабазе. Но мы нашли его первыми.

Я медленно выдохнул, пальцы плотнее обхватили рукоять

винтовки, щелчком снимая предохранитель.

— Погнали.

Земля вокруг была минным полем. В прямом и переносном смысле. Золотистые листья шуршали под ногами, превращая любое движение в тактический кошмар. Один неосторожный шаг и джунгли начинали кричать о нашем приближении. Мины, растяжки, колючая проволока. Жуки и дремлющие змеи, чей яд парализует за тридцать секунд. Каждый шаг мог стать последним.

Но я не обращал на это внимания. Сеттер молча обезвредил четыре мины на нашем пути. Без слов и лишних движений. Благодаря ему мы не разлетелись по джунглям кровавым конфетти.

Деревья перед нами расступились, открывая бетонные руины старого каучукового завода. Облезлые стены, железные балки, изъеденные эрозией. Ржавое оборудование, задушенное лианами. В воздухе стоял тяжелый металлический смрад из смеси масла и плесени. Гражданская война превратила весь регион в пепел, а бедность и отчаяние — в идеальную почву для таких, как Маркес.

Четверо охранников патрулировали периметр. Я присел в подлеске и поднял руку, распределяя цели.

Ближайший ко мне облокотился на стену у входа, пялясь в телефон. Между его толстых пальцев догорала сигарета. На лице застыла похотливая ухмылка. Из динамика доносились стоны и ретро-музыка восьмидесятых. Свободной рукой он

мял свой член через ткань камуфляжных штанов.

Я беззвучно достал Ка-Ваг.

Один удар сердца.

Нож рассек воздух. Сталь поцеловала плоть, одним движением перерезав глотку и артерию. В горле забулькал влажный хрип. Кровь хлестнула на экран телефона темными глянцевыми полосами. Порно и смерть — поистине поэтический финал. Тело сползло по стене, как кусок туши.

Вокруг слышались приглушенные хрипы и глухие удары. Мы оттащили тела в подлесок, спрятав их среди корней. Мухи и насекомые разберутся с ними еще до рассвета.

Я шагнул внутрь здания и тьма поглотила меня. Глазам понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть. Сквозь заколоченные окна пробивались тонкие полоски света. Пыль маленькими призраками кружилась в воздухе. В центре зала зияла дыра с каменной лестницей, уходящей вниз. Оттуда доносились приглушенные голоса, отражаясь эхом от бетона.

Взорвать все к чертям было бы проще всего. Но внизу, по данным разведки, находились пленные. Люди из окрестных деревень, превращенные в рабов Маркеса.

Мы двигались бесшумно, прижимаясь спинами к стенам. Коридор внизу освещался тусклыми лампами. Где-то вдалеке гудел генератор. Дойдя до железной двери, Сеттер присел и достал компактный сканер. На экране появились силуэты. Четверо вооруженных солдат и еще десяток безоружных, сбившихся в кучу в дальнем углу.

Я кивнул.

Бигль выдернул чеку светошумовой гранаты, пнул дверь и бросил ее внутрь.

Клинк-клинк-клинк.

— ¡Qué demonios!

БУМ.

Помещение взорвалось ослепительной вспышкой и грохотом.

Я вошел первым, поднял ствол и завалил ублюдка слева двумя выстрелами в корпус. Третий патрон пробил его череп. Алая мгла осталась на стене.

Сеттер ушел вправо, его автомат зарычал короткими точными очередями. Бигль прикрывал нас сзади. Дым быстро заполнял пространство. Запах пороха смешался с вонью мочи и крови.

Маркос стоял в пяти шагах от меня. Я видел, как пот блеснул на его лбу. Его испуганный взгляд метался между мной и пистолетом на столе. Пальцы дернулись — он прыгнул.

Мой палец мягко нажал на курок.

Пуля отбросила его к стене. Он осел, оставляя за собой широкую красную полосу.

В наступившей тишине я медленно подошел ближе. Под ботинками хрустели гильзы и крошка бетона. Грудь Маркса еще судорожно поднималась. Он смотрел на меня и улыбался.

— Я знаю тебя... — прохрипел он по-английски. — Хэлл

Хаунд.

На моих губах мелькнула усмешка.

— О, приятно встретить фаната. Надеюсь, мой автограф тебе понравится.

Я выстрелил. Голова наркобарона дернулась назад, забрызгав стену мозгами.

— Чисто, — спокойно произнес Бигль. — У нас гражданские.

Луч фонаря Сеттера осветил десяток обнаженных женщин. Их тела покрывали синяки и химические ожоги. Одна из них, шатаясь, сделала шаг вперед. За ее спиной, вцепившись в худую руку, стояла девочка лет десяти.

— Por favor... No nos maten.

Я стиснул зубы. Ярость снова горячей волной поднялась по позвоночнику.

Я указал стволом на кучу одежды в углу.

— Vístanse. Los llevamos a casa.

Спутниковый телефон снова завибрировал. Один раз. Два. Три. Каждый звонок длился ровно тридцать секунд.

Дива знала, что я специально игнорирую. А я знал, как сильно это ее бесит. И это была моя любимая часть нашей игры. В гневе она трахалась как сумасшедшая, царапалась, кусалась и позволяла мне делать с ней все, что угодно, лишь бы выжечь всю злость.

Четвертый звонок. Пора. Я взял трубку.

— Ты специально это делаешь, да? — прошипела она.

Я выдержал паузу, наслаждаясь моментом.

— Я занят, — протянул я, усмехаясь при воспоминании, как в последний раз она перегнулась через стол, пока я входил в ее тугую задницу.

— Чувшь собачья. Дело сделано?

Стальная нотка в голосе чуть смягчилась. Потому что Дива всегда оставалась прагматичной.

— Да. Маркос мертв. Девять гражданских вернулись домой. Можешь переводить оплату.

— Когда ты вернешься?

— Завтра утром.

— Передай мои поздравления брату, — промурлыкала она. — И загляни в офис. Твой бонус будет тебя ждать.

Линия отключилась раньше, чем я успел ответить.

Я отбросил телефон в сторону и сжал кулаки. Грязь и засохшая кровь все еще покрывали мою кожу. Пора было возвращаться к своей обычной жизни.

Глава 1. Оливия

Такси плавно остановилось на подъездной аллее перед особняком. Я вышла, бережно прижимая к груди вешалку с вечерним платьем. Водитель, мужчина средних лет с усталыми глазами и военной выправкой, достал мой чемодан из багажника и с профессиональной учтивостью отнес его к массивным парадным дверям.

Я улыбнулась, в который раз пораженная красотой этого места. Имение Экхардов было воплощением старомодной роскоши. Величественный особняк позапрошлого века тонул в зелени огромного парка, в сердце которого дремало большое зеркальное озеро.

Когда семья купила имение, оно находилось в ужасающем состоянии и больше напоминало декорации к готическому роману о вампирах, чем жилой дом. Экхарды вложили целое состояние в реставрацию, бережно сохранив каждую историческую деталь. Призраков, правда, вежливо попросили на выход.

— Я дома! — крикнула я. Голос разлетелся по залитому солнцем холлу и растворился в тишине.

Оставив чемодан у подножия мраморной лестницы, я направилась на кухню. Джун Экхард и ее помощница Конни Лопес двигались с отточенной годами точностью, одновременно управляя десятком блюд. Воздух был густым от

ароматов специй, шипящих на сковороде, свежее испеченного хлеба и карамелизованного сахара.

Золотистые лучи солнца лились сквозь панорамные окна в пол, играя бликами на белом граните. Над массивным кухонным островом висели старинные бронзовые светильники. Гладкие белые шкафы скрывали всю возможную современную технику.

У дальней стены стоял большой кожаный диван цвета молочного шоколада. Рядом — изящный чайный столик со стеклянной столешницей, на котором всегда лежало блюдо со сладостями. Здесь Джун проводила тихие утренние часы: с книгой в одной руке и дымящейся чашкой чая в другой.

Сегодня был очень важный день. Репетиционный ужин перед свадьбой Реджины Макаллен и Аполло Экхарда, который организовала Джун. Уже несколько недель весь дом жил в состоянии едва сдерживаемого безумия, и в центре него неизменно находилась Реджи.

— Мама Джун, — тепло поприветствовала я миниатюрную, безупречно одетую женщину и поцеловала ее в щеку. — Привет, Конни.

— Привет, милая, — лицо Конни озарила улыбка. Привычным жестом она поправила большие круглые очки на переносице.

— Я привезла подарки для твоих внуков. Кое-какие книги, одежду и игрушки. Оставлю в твоей комнате, — сказала я, опираясь ладонью о столешницу.

— Благослови тебя Господь, дитя.

Конни отдала поместьем Экхардов почти двадцать лет жизни. Они с Джун были практически неразлучны. Либо бок о бок у плиты, либо поглощенные вязанием.

— Нужна помощь? — спросила я и, не удержавшись, отправила в рот хрустящий кружок моркови.

— Нет, милая, — ответила Джун, помешивая жаркое. — А вот тебе, пожалуй, стоит пойти поискать Реджину. Последние три часа она носится по саду и бормочет себе под нос что-то несвязное.

Я приподняла бровь.

— Все еще?

— О да. Разыгрывает полноценную греческую трагедию в одном лице.

Я взяла еще пару ломтиков моркови и пошла в свою комнату.

В отведенной мне спальне я быстро распаковала вещи, аккуратно разложила их по полкам и повесила вечернее платье. Выглянув в окно, я заметила копну диких огненно-рыжих кудрей, мечущихся по саду. Схватив айпад со всеми заметками, списками и свадебными подборками из Pinterest, я спустилась вниз.

Реджина ходила кругами вокруг клумбы с розами, нервно наматывая растрепанные волосы на пальцы. Я опустилась на резную деревянную скамейку в тени вишни и стала наблюдать за ней с легкой улыбкой и едва заметным беспокой-

СТВОМ.

— Кажется, у меня паническая атака, — пробормотала Реджина, уставившись в никуда. — Или сердечный приступ. А может, и то, и другое одновременно.

— С тобой все в порядке, Редж. Просто дыши. Вдох носом, выдох ртом, — попыталась я ее успокоить, хотя прекрасно знала, что это бесполезно.

Наши жизни были переплетены с самого детства — соседние дома, общие праздники, поделённые пополам триумфы и провалы. Даже когда жизнь развела нас — меня в академию искусство, ее в юридический университет — мы изо всех сил держались за нашу невидимую, но крепкую нить дружбы. Реджина была мне как сестра. Поэтому, когда она попросила помочь с организацией свадьбы, я согласилась не раздумывая. Не только потому, что любила ее, но и потому, что мне отчаянно нужен был перерыв от работы в галерее.

— Я просто знаю, что что-то обязательно пойдет не так, — простонала подруга и с драматическим вздохом рухнула на скамейку. Палец сразу потянулся ко рту. Я шлепнула ее по руке, спасая двухсотдолларовый маникюр.

— Ты так говоришь перед каждым важным событием, и обычно все проходит идеально.

— Обычно, — эхом отозвалась Реджи, и в ее голосе наконец появилось немного спокойствия.

Ее роман с Аполло Экхардом перевернул весь ее мир. Она была центром его вселенной, единственным солнцем, ради

которого он готов был ослепнуть. Никого не удивило, когда во время поездки в Париж он опустился на одно колено.

Мои пальцы невольно коснулись холодного кольца на безымянном пальце с двухкратным бриллиантом, которое Мэтт надел на мою руку год назад.

Реджина прижалась виском к моему плечу.

— Что, если я не готова к замужеству?

— Ты готова. Просто пока не можешь поверить, что все это происходит по-настоящему.

— Черт..., — закрыла глаза Реджи.

— Кстати, я вчера заезжала на цветочную ферму, — я резко сменила тему и разблокировала планшет. — Твои полторы тысячи синих гортензий расцветут точно по графику.

— А примерка платья?

— Завтра.

— Торт?

— На следующей неделе.

— Погоди... я вообще утвердила окончательный дизайн торта?

— Да. Классический белый, украшенный голубыми цветами из масляного крема, — я подняла на нее взгляд. — Где Аполло?

Реджина вскочила со скамейки и снова начала метаться по дорожке, как разъярённая белка, перебравшая кофе.

— Поехал в аэропорт встречать Эрона. Этот придурок всю неделю держал Аполло на нервах. Тусовался на каком-то

чертовом острове.

Я усмехнулась. С Эроном Экхардом я не была знакома лично. Он постоянно мотался по миру, занимаясь «государственной работой и секретными операциями».

Реджина раздраженно вздохнула.

— Мне срочно нужна горячая ванна, пока не начали прибывать гости, — сказала она и си снова потянулась к ногтю.

Я встала и мягко оттянула ее руку.

— Пойдем, — дразняще прошептала я. — Я потру тебе спинку.

Ванная быстро наполнилась душистым паром. Несмотря на жару на улице, Реджина предпочла почти кипящую воду. Пахло лавандой. Капли со звоном стекали с бортика ванны на мраморный пол.

— Когда приезжает Мэтт? — спросила Реджи, сдувая с ладони горсть радужных пузырей.

Я сидела позади нее на бархатном пуфике, поджав ноги по-турецки, и осторожно разбирала спутанные пряди.

— Обещал быть прямо в день свадьбы, — пробормотала я, сосредоточившись на особенно упрямом колтуне. — Сказал, что ни за что не пропустит свадьбу года.

Реджина опустила руки в воду, поднимая облако пены.

— У вас... все в порядке? — осторожно спросила она.

Я замешкалась.

— Конечно. Почему ты спрашиваешь?

Реджи повернула голову. Мокрые пряди выскользнули из моих пальцев. Она посмотрела на меня так, словно она уже знала ответ и просто давала мне возможность солгать.

— Просто, когда он рядом, ты будто сжимаешься. Не позволяешь себе занимать пространство.

Я выдавила напряженную улыбку. Она попала в самую точку.

— Ты все выдумываешь, Редж.

— Как ты вообще можешь оставаться с этим мудаком после того, что он сделал? — Реджина наконец перестала подбирать слова.

— Мэтт поклялся, что все это неправда, — ответила я, но даже для меня мои слова звучали фальшиво.

Подруга фыркнула.

— Ты нашла трусы другой бабы в его кармане! Какие еще

доказательства тебе нужны?

— Он сказал, что это была дурацкая шутка его секретарши, — выдохнула я. Оправдания звучали все никчемней. — И уволил ее на следующий же день.

— Конечно, уволил, — ядовито ответила Реджи. — Надо же было выглядеть героем после того, как ты поймала его с поличным.

Я сама позволила Мэтту плести эту паутину лжи. Позволила целовать меня и шептать извинения. Слепо верила клятвам, что «больше это никогда не повторится».

Вода плеснула через край, когда Реджина резко развернулась и оперлась руками о бортик ванны.

— Ты понимаешь, что тебе необязательно быть с ним?

У меня сжалось горло.

— Я дала обещание.

— А как насчет обещаний, которые ты должна начать давать самой себе? Ты заслуживаешь лучшего.

Мой жених был восходящей звездой политики. Золотой мальчик влиятельной династии. Его отец-сенатор расчищал для него дорогу вверх по карьерной лестнице. Лицо Мэтта было везде: на первых полосах, на благотворительных снимках, в предвыборной рекламе. Он улыбался рядом с ветеранами, перерезал ленточки на открытиях больниц и безупречно идеально играл роль будущего лидера.

Я встретила его, когда мне было семнадцать. У меня была летняя подработка в художественной галерее, а его ко-

манда финансировала выставку картин о Гражданской войне. Он вошел в мою жизнь, окруженный ореолом уверенности и обаяния, и я потеряла голову, даже не успев это осознать.

Он был моей первой любовью. Моим первым... всем.

Мэтт оплатил мои последние два года в университете, скромно назвав это «вложением в свое будущее». С тех пор границы между любовью и долгом начали медленно стираться. Благодарность тала обязательством. Зависимость — виной. И где-то в этом тихом внутреннем крахе я убедила себя, что без него я — никто.

Реджина молча взяла мою ладонь и прижала к своей влажной щеке, мягко возвращая меня в реальность.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я счастлива, — солгала я.

Глава 2. Эрон

Аполло встретил меня у выхода из зоны прилета. Послушный младший брат широко улыбался и держал у руках табличку с моей детской фотографией, на которой я сидел на горшке и плакал.

— А я надеялся на ледяное пиво и полуобнаженных девушек, — бросил я, на ходу закидывая дорожную сумку на плечо.

— Прости, чувак, но они задохнулись в багажнике, пока я стоял в пробке, — парировал Аполло и крепко обнял меня.

Пока мы шли на парковку, я невольно отметил, как сильно изменился брат за последний год. Набрал массу, стал шире в плечах. Его идеально сидящая рубашка выгодно подчеркивали накаченные, загорелые предплечья. Он был на четыре года младше и на пару сантиметров ниже. В отличие от меня, он с отличием окончил Гарвард и занял кресло генерального директора семейной империи. Управлял ею с той же железной хваткой, какая когда-то была у отца.

От папы мы оба унаследовали пронзительные голубые глаза. Только волосы у Аполло были светлыми. Из-за этого он походил на ангелочка с картин эпохи Возрождения. Люди начинали доверять ему еще до того, как он открывал рот. Компания процветала и, черт возьми, я им невероятно гордился. Он стал именно тем, кем наш старик хотел видеть нас

обоих. Тем, кто оправдал все его надежды.

— Новый имидж? — Аполло с усмешкой провел ладонью по моей трехдневной щетине.

— Решил, что так я выгляжу солиднее, — ухмыльнулся я. — Не парься, я побреюсь перед ужином. Не хочу пугать твоих будущих новых родственников.

— Вот уж сделай одолжение. Бабушка Реджи и так уверена, что ты наемный убийца.

— Я и есть наемный убийца.

Аполло закатил глаза и нажал на брелок. Двери роскошного белого «Мерседеса» мягко щелкнули.

— Запомни: на предсвадебном ужине ты не киллер, а приличный брат жениха.

К тому времени, как мы добрались до поместья, солнце почти скрылось за горизонтом, заливая все вокруг теплым медово-янтарным светом. Дом уже был полон гостей. Смех, голоса, насыщенный запах домашней еды и выдержанного вина.

Гостиная пахла розами. Это был фирменный штрих мамы. Благородный, утонченный аромат создавал мягкую, почти романтическую атмосферу. Она выращивала цветы в массивных глиняных горшках в саду и заносила их внутрь для особых случаев.

Я всегда поражался, как ей удается держать в идеальном порядке наш огромный дом всего с двумя постоянными помощниками — Конни, которая была скорее подругой, чем

домработницей, и ее мужем Леоном, отвечавшим за сад и всю тяжелую работу.

— Мама наверху, — крикнул Аполло через плечо, направляясь к гостям. — Я пойду найду Реджи. Встретимся через тридцать минут.

Я поднялся по лестнице, толкнул дверь своей комнаты и бросил сумки в угол. Дойдя до конца коридора, я постучал один раз в родительскую спальню и, как всегда, вошел, не дожидаясь ответа.

За последние двадцать лет здесь ничего не изменилось. Та же массивная деревянная кровать, те же старые комоды, забитые клубками разноцветной пряжи. Стены превратились в коллаж из семейных фотографий: мы с Аполло в строгих костюмах, дни рождения, Рождество, поездка на пляж в Аутер-Бэнкс, где брат сломал ключицу, пытаюсь впечатлить местную девчонку. У окна стояло старое кресло-качалка отца. Потертое, слегка покосившееся, но все еще крепкое. Мы не раз предлагали маме обновить спальню. Но она всегда отказывалась. Говорила, что воспоминания, живущие в этих стенах, помогают ей держаться на плаву.

— Сынок!

Знакомый голос вывел меня из задумчивости. Из ванной вышла мама — элегантная, собранная, в длинном вечернем платье. Нитка белого жемчуга на шее, темные волосы убраны в идеальную высокую прическу. Время едва коснулось ее. Она до сих пор выглядела как изящная копия Одри Хепберн.

Я не удержался и подхватил ее на руки, легко приподняв над полом.

— Привет, ма, — сказал я, целуя ее в обе щеки.

Джун отстранилась и прищурила проницательные глаза. Ее острый взгляд моментально изучил меня с головы до ног.

— Сбрей это, — безапелляционно заявила она.

— Я подумаю, ма.

Она взяла мое лицо в ладони и принялась внимательно изучать, наклоня голову то так, то эдак.

— Ты выглядишь уставшим, — обеспокоенно произнесла она. — Больше похож на человека, который закапывал трубы.

— Со мной все в порядке, ма, — я ловко выскользнул из ее рук, как делал всегда, когда она пыталась задушить меня своей материнской любовью.

Мама повернулась к трюмо, открыла помаду и аккуратно подкрасила губы.

— Скажи, что на этот раз ты задержишься подольше.

— Если ты пообещаешь кормить меня своей домашней едой, — подмигнул я, вставая за ее спиной.

— А ты пообещай починить беседку в саду, — парировала она. — Ее построил твой отец. Я хочу, чтобы вы с Аполло вернули ей прежний вид.

— Не волнуйся, ма. Мы об этом позаботимся, — легко согласился я и поцеловал ее в щеку. — Мне нужно принять душ. Увидимся внизу.

— И сбрей это со своего лица! — крикнула она мне вслед.
— Ты выглядишь как чертова щетка для мытья полов.

Час спустя мы с Аполло стояли в гостиной, наблюдая, как смех и звон бокалов сливаются с приглушенной музыкой. Я рассказывал брату о том, что произошло в джунглях, не опуская даже самых кровавых деталей. С каждым словом брови Аполло сдвигались все сильнее, а пальцы сжимали бутылку пива так, будто он собирался ее раздавить.

— Ты просто гребаный псих, — тихо пробормотал он. — Ты не можешь продолжать работать с неполноценной командой. Сет и Финн — профессионалы, но тебе критически не хватает четвертого.

Я позволил взгляду скользнуть по толпе, потеряв желание снова вести этот разговор.

— У нас есть четвертый. Просто он решил, что сидеть в уютном кабинете приятнее, чем валяться в грязи и каждую секунду рисковать получить пулю в лоб.

Аполло резко выдохнул и отвернулся.

— Ты прекрасно знаешь, почему я ушел.

— Знаю, — я одним глотком допил виски. — Но я также знаю тебя. Знаю, как у тебя горят глаза, когда мы работаем вчетвером. И как сильно ты по этому скучаешь.

Я поставил пустой стакан на поднос официанта и встретился взглядом с братом.

— Поэтому я подожду, пока ты не будешь готов вернуться в стаю.

Аполло фыркнул, но спорить не стал.

Когда-то нас было четверо — Сеттер, Бигль, Хаунд и Шеппард. Аполло был мозгом команды, гениальным стратегом. Я — его молотом. Но однажды его план провалился. Одна ошибка, и мы оказались в шаге от смерти в богом забытом углу Африки. Никто из нас не винил его. Это была часть работы. Но Аполло так и не смог себя простить. Он ушел. Я понимал, что трое — уже не команда. Но сколько бы я ни искал замену брату, четвертое место оставалось пустым.

Аполло молча сунул мне в руку новый стакан виски. Я выпил его залпом, наслаждаясь обжигающей волной по горлу. И в этот момент, когда я меньше всего ожидал, я ощутил мощный удар под дых.

Она стояла к нам спиной, изящно выставив бедро, погруженная в разговор с мамой и Реджиной. Длинные пальцы с идеальными черными ногтями обхватывали ножку бокала с шампанским. Черное платье до колен плотно облегалo тело. Узкая талия, соблазнительные бедра, длинные подтянутые ноги. Прошло немало времени с тех пор, как у меня был секс, и я гордился своей выдержкой. До этого момента. Мой член уже решил, что прелюдия — это переоцененная хрень.

— Кто эта пара ножек рядом с ма? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Аполло проследил за моим взглядом.

— Это Оливия. Лучшая подруга Реджи, — имя слетело с его языка с нежностью. — Она отказалась от хорошего пред-

ложения из галереи «Метрополитен», чтобы быть рядом с Реджи. Моя невеста сходит с ума, чем ближе свадьба, а Лив единственная, кто держит ее в здравом уме. Она — мой личный ангел-хранитель.

Я уже почти не слушал брата. К их компании присоединился дядя Джек, и Оливия повернулась. Мое дыхание застряло в горле. *Я в полной заднице.*

Черные глаза, как небо в безлунную ночь. Мягкие губы. Ее улыбка разожгла во мне что-то первобытное. Она была совершенством. Идеальным оружием, созданным, чтобы меня погубить.

— Да, чувак... Ты в жопе, — тихо пробормотал я сам себе под нос.

Оливия что-то рассказывала дяде, живо жестикулируя. Высокий хвост раскачивался из стороны в сторону, как маятник, гипнотизируя меня. Я уже представлял, как наматываю ее волосы на кулак, запрокидываю голову и трахаю так, чтобы она могла только умолять.

Умолять остановиться.

Умолять не останавливаться.

Умолять о большем.

Аполло вздохнул, допивая пиво.

— Я даже не хочу думать, какой Реджи будет, когда забеременеет.

Я ухмыльнулся.

— Ты уже распланировал всю жизнь с будущей миссис

Экхард?

Брат рассмеялся и ударил меня по плечу.

— Ты так говоришь, потому что еще не нашел свою женщину. Поймешь, когда встретишь ту, с которой захочешь делать маленькие копии себя.

— Сомневаюсь, что этому миру нужны мои мини-копии, бегающие повсюду.

— Ты себя недооцениваешь, чувак.

Может, и так. Но одно я знал точно: Оливия только что стала серьезной, опасной и крайне трахабельной проблемой.

Я схватил еще один стакан и горсть спелого винограда, на ходу подбрасывая ягоду и ловя ее ртом.

— Пойду покурить. Не говори ма.

Я вышел на широкий балкон, с которого открывался вид на ночной сад. Каменная ограда утопала в розах. Их густой сладкий аромат висел в прохладном воздухе. Я отступил в тень, достал сигарету и щелкнул зажигалкой. Пламя на секунду осветило лицо, прежде чем я сделал глубокую затяжку.

По каменному полу медленно поползла тень и резкий стук каблучков нарушил тишину. Оливия вышла на балкон с сигаретой, зажатой между губ. Она затянулась, выпустила дым в ночное небо. Поставив бокал на перила, она поставила локти на камень, выгибая спину.

Я не шевелился. Молча докурил сигарету, пряча окурки в цветочный горшок. С уликами разберусь позже.

Оливия провела кончиками пальцев по лепесткам роз, задумчиво перекатывая их. Потом, словно потеряв интерес, затушила недокуренную сигарету и залпом допила шампанское.

— Для такого тела ты слишком мало ешь и слишком много пьешь, — сказал я, выходя из тени.

Оливия вздрогнула. Испуганные глаза мгновенно нашли

меня в темноте, и шок тут же сменился колючим раздражением.

— Боже, ты до смерти меня напугал, — она прижала руку к груди. — И с какого хрена тебя вообще волнует, сколько я пью?

Я сделал шаг вперед, нависая над ней.

— Просто не хочу, чтобы тебе было неловко, когда ты проснешься завтра утром в моей постели, — тихо сказал я.

Губы Оливии приоткрылись. Дыхание сбилось. Какой бы острый ответ она ни готовила, он умер, так и не родившись.

— Этого никогда не случится, — раздраженно бросила она.

Я прислонился к ограждению балкона с безразличным видом и бросил в рот еще одну виноградину.

— Твое тело лжет хуже, чем твой красивый рот, — сказал я, скрещивая руки на груди. Кашемировый свитер обтянул мышцы, что привлекло взгляд Оливии. — Сердце колотится как бешеное. Ногти впиваются в ладони. И ты все время прикусываешь нижнюю губу.

— Что, ты теперь, блять, доктор? — процедила она сквозь зубы.

Черт, как же мне нравится, когда она заводится. Я хотел попробовать ее гнев на вкус, прижать к матрасу и вытрахать из нее всю эту злость.

— Не совсем, — моя ухмылка стала шире. — Хочешь виноградину? Лови.

Я подбросил ягоду и она пролетела мимо ее лица, исчезая в темноте. Оливия медленно повернулась ко мне. В уголках ее губ дернулось что-то похожее на улыбку.

— Ты ебнутый, да?

— Может быть. Давай попробуем еще раз.

Вторая ягода полетела в ее сторону. Но на этот раз Оливия резко дернула головой и поймала ее зубами.

— Ха! С первой попытки! — торжествующе выдала она с набитым ртом.

Я одобрительно хмыкнул и понизил голос.

— Ну надо же. Ты так быстро учишься. Хорошая девочка.

Улыбка мгновенно слетела с ее лица. Брови гневно сдвинулись.

— Слушай сюда, ты высокомерный кусок дерь...

— Эрон, дорогой, — раздался за спиной голос мамы. — Бери Оливию и идите внутрь. Репетиция вот-вот начнется.

Кровь отхлынула от лица Оливии, когда до нее дошло, кто я такой. С ядовитой грацией она развернулась на каблуках, скинула подбородок и, покачивая бедрами, пошла за моей матерью.

Я едва сдержал смех.

Вечер обещал быть куда интереснее, чем я думал.

Глава 3. Оливия

Я стояла посреди гостиной, словно статуя, топя раздражение в очередном бокале шампанского, до боли впиваясь ногтями в ладони. Челюсти сводило от того, как сильно я их сжимала.

Аполло упоминал о том, что Эрон мог соблазнить любую женщину, какую только захочет. Если он выбирал цель — у бедняжки не оставалось ни единого шанса. Рано или поздно она неизменно оказывалась в его постели.

Я сделала еще один глоток. Шампанское казалось приторно-сладким и одновременно отвратительно-горьким — точно как мои собственные чувства.

В Эроне не было ничего общего с братом. Там, где младший был живым теплом и спокойствием, старший оставался холодным, опасным льдом. Аполло дарил женщинам ощущение защищенности. Эрон будил тревогу, предвкушение опасности и запретного желания. А хуже всего то, что женщины сами с ражостью несли себя ему в жертву. Самодовольный убудок наслаждался тем, как легко люди рассыпаются под его напором.

На секунду я перестала себе лгать и сразу почувствовала то, что пряталось под толстым слоем гнева. И сразу же возненавидела то, как мое тело напряглось при одном воспоминании о его низком голосе.

«Хорошая девочка»

— У меня есть предварительный план церемонии, — щепетала Джун, перебирая стопку бумаг. — Давайте представим, что этот камин — наш своддебный алтарь. Шаферы входят первыми и встают справа. Подружки невесты — слева.

Парни неторопливо вышли вперед и заняли свои места, выстраиваясь ровной шеренгой. Эрон выделялся среди всех. Почти два метра звериной силы. Тело, сложенное как машина для убийств. Темно-синий кашемировый свитер подчеркивал его рельефные мышцы. Усмешка все еще играла на его губах, а ледяные голубые глаза не отрывались от меня.

— Девочки, ваша очередь, — Джун мягко подтолкнула меня в спину.

Подруги Реджи по университету бодро зашагали вперед. Я же неохотно плелась последней, заняв свое место у камина — прямо напротив Эрона.

Я упорно смотрела в пол, отказываясь встречаться с ним взглядом. Но чувствовала, как его глаза ползут по моей коже. Скользят по краю платья, по бедрам, по изгибу груди, задержавшись на предательски пульсирующей жилке на шее. Меня пожирали заживо. Аполло встал рядом с братом. Несмотря на фамильное сходство, они были полной противоположностью.

Эрон напоминал бушующее пламя, запертое в тесном ящике и готовое вырваться в любой момент. Пирсинг в носу скорее шел ему, чем портил, придавая ему вид дерзкого со-

рванца, а не взрослого мужчины. Замысловатые черные татуировки начинались у шеи и исчезали под одеждой. Мое воображение немедленно рванулось следом. Где еще у него татуировки? Где еще пирсинг? Я уже успела заметить металлическую штангу у него на языке.

Блять.

Жар прилил к щекам. Я на мгновение закрыла глаза, выталкивая эти образы из головы. Сейчас явно было не время и не место для такого.

Реджи вышла вперед. Легкая фата, купленная специально для репетиции, изящно спадала на плечи. Она буквально светилась изнутри. Ее взгляд не отрывался от Аполло. Они замерли друг напротив друга, обмениваясь импровизированными клятвами. Аполло бережно приподнял фату.

— Я люблю тебя, — прошептал он и поймал ее губы в поцелуе.

Где-то глубоко в груди у меня болезненно скрутился узел. Я быстро смахнула слезу. Они были так прекрасны. Две половинки, растворившиеся друг в друге без остатка. Отчаянно и безнадежно влюбленные. Мэтт никогда не смотрел на меня так. В его голосе никогда не было и капли той теплоты и нежности. И я снова задала себе вопрос: было ли у нас с Мэттом вообще какое-то будущее?

— Ну что ж, — шмыгнула носом Джун, аккуратно промокая глаза. — А теперь давайте все поужинаем, пока я окончательно не испортила макияж.

Мебель в роскошной столовой сдвинули к стенам, освободив центр комнаты для гостей. Я почти ничего не ела весь день, и теперь желудок настойчиво требовал свое. Я медленно двигалась вдоль буфета, наполняя тарелку всем подряд: тушеная телятина, картофель, креветки в сливочном соусе, ломтики авокадо. Потянувшись серебряной ложкой, я зачерпнула горсть ароматного обжаренного миндаля.

— А ты знала, что миндаль повышает женское либидо? — голос Эрона скользнул по моей коже, как бархат.

Ложка выпала из пальцев и громко лязгнула о край подноса. Я замерла. Он стоял так близко сзади, что я чувствовала исходящее от него тепло. Его дыхание едва касалось моей макушки. Все пространство вокруг нас внезапно сжалось до размеров чулана. Я резко обернулась и едва не стукнулась носом в его грудь.

Боже.

Эрон держал большую тарелку, заваленную мясом и запеченными овощами. Я смотрела на него снизу вверх, надеясь убить взглядом.

— А ты знал, что ананас улучшает вкус спермы? — слова вылетели раньше, чем я успела их остановить.

О, черт. О, святая мать божья.

Губы Эрона медленно изогнулись в довольной ухмылке.

— Я с радостью буду есть ананасы каждый день, если ты—

— Не смей заканчивать это гребаное предложение, — прошипела я сквозь зубы. — Мы знакомы всего два часа, а

ты уже бесишь меня до белого каления. Сожри целый грузовик долбанных ананасов. Мне плевать. Твоя хрень на меня не действует.

Эрон слегка наклонил голову, изображая невинность. Но в глазах все еще плясал насмешливый блеск.

— Что именно не действует? — он потянулся мимо меня, взял стручок спаржи и аккуратно положил его на мою тарелку.

— Вот это все! — я раздраженно окинула его взглядом. — Ты. Весь ты. Твое сраное отношение. Я не впечатлена и не заинтересована в твоих альфа-самцовых трюках.

— Альфа-самцовые трюки? — Эрон громко рассмеялся. — Боже, ты такая забавная, когда злишься.

— Господи Иисусе... — я покачала головой, пытаюсь унять ураган внутри. — Ты просто ужасен.

— Извини. Я иногда бываю невыносимым мудаком, — признался он без тени раскаяния. — Это моя врожденная черта.

Я растерянно моргнула, застигнутая врасплох.

— Ну... ты хотя бы отдаешь себе отчет в своих недостатках.

Мое лицо слегка смягчилось. Совсем чуть-чуть.

Эрон смотрел на меня сверху вниз, как на добычу, угодившую в капкан. Он сделал один маленький, чисто символический шаг назад, но в глазах продолжала плясать хищная искра.

Что-то болезненно сжалось в груди.

— Ты так ведешь себя с каждой женщиной? — я попыталась звучать равнодушно, снова поворачиваясь к столу.

— Только с теми, кто меня по-настоящему зацепил, — бархатный голос снова раздался у меня за спиной. — А ты меня явно зацепила.

Я почему-то улыбнулась.

— Мы даже не знаем друг друга, — пробормотала я, хватая кусок фаршированного мясного рулета. — Что, если я храплю во сне?

— Полагаю, есть только один способ это проверить.

— Не начинай опять, — сказала я уже без прежней остроты. Шампанское делало свое дело: по венам разливалось приятное тепло, в голове слегка шумело, и я становилась опасно податливой к его дешевому флирту.

— Когда я был ребенком, мама выращивала в саду только белые розы...

Я замерла, сжав в пальцах сервировочные щипцы.

— Однажды я увидел единственный бутон цвета запекшейся крови, который гордо возвышался посреди белоснежного моря.

Моя кожа покрылась мурашками.

— Это должно было быть случайностью. Кто-то в магазине перепутал сорта. Но я не мог отвести от нее глаз. Эта красота и неповиновение белому царству. Самое прекрасное, что я когда-либо видел.

Дыхание Эрона коснулось моего уха. Внизу живота родилось опасное тепло, которое тут же горячей волной разлилось между бедер.

— Я хотел ее. Мне нужно было заполучить цветок любой ценой. Не раздумывая, я полез сквозь колючие кусты. Протянул руку... — голос опустился до шепота. — Шипы изодрали мне руки, рассекли ладони. Кровь стекала по запястьям, пропитывая рукава. Но я вцепился в розу еще сильнее. Сжал кулак, пока стебель не сломался и роза стала моей.

Я медленно повернулась к Эрону. Сердце бешено колоти-

лось. Все вокруг превратилось в размытое пятно. Его рука коснулась моей скулы. Кожа вспыхнула под пальцами.

— Боль не останавливает меня, дикая, — прошептал он, и темная улыбка изогнула его губы. — Она лишь разжигает во мне еще большую жажду.

Большой палец медленно скользнул по пульсирующей артерии на моей шее.

— Посмотрим, как долго твои острые шипы смогут тебя защищать... прежде чем я сломаю красивый стебель и заберу свою маленькую розу.

Глава 4. Оливия

Голова раскалывалась после вчерашнего вечера. Похоже, пузырьков во мне оказалось больше, чем еды. С трудом волоча ноги, я спустилась по лестнице и добралась до кухни, залитой утренним солнцем.

Я направилась прямоиком к холодильнику и с громким стоном распахнула дверцу. Холодный воздух ударил по голым ногам. Не думая о приличиях, я схватила упаковку молока. На кухне никого не было, так что этикет мог идти к черту. Я поднесла пакет к губам, готовясь сделать долгий блаженный глоток.

— Не ожидал, что утром застану здесь компанию.

Я вздрогнула, едва не выронив молоко, но успела поймать его в последнюю секунду. Эрон стоял в дверях, небрежно прислонившись к проему, и выглядел до отвращения расслабленным для человека, только что разрушившего мое утро. Вчера вечером я сознательно отводила взгляд. А теперь этот самодовольный ублюдок загнал меня в ловушку.

На нем почти не было одежды. Только серые спортивные штаны и кеды. Темные волосы намокли после пробежки и падали небрежными волнами на лоб. Обнаженное тело блестело на солнце. Мышцы перекачивались под кожей при каждом его движении. Татуировки обвивали руки, переходили на грудь и спускались ниже по торсу. Мой взгляд мед-

ленно скользил по его широким плечам, рельефной груди, кубикам пресса, замерев на V-образных мышцах, исчезающих под резинкой штанов. Пальцы невольно сжались. Обручальное кольцо обожгло кожу. Я моргнула и заставила себя снова уставиться в упаковку молока.

— Для избалованного маминого сынка ты шокирующе рано встал, — выдавила я язвительную улыбку, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

Я повернулась обратно к холодильнику, надеясь, что холодный воздух остудит пожар на щеках и шее. Достав тарелку с бутербродами, поставила ее на кухонный остров, делая вид, что сердце не колотится в ушах.

Эрон рассмеялся. Он приблизился с грацией тигра и остановился прямо передо мной.

— Привычка, — сказал он. В голубых глазах вспыхнули озорные искры. — Какой бы дикой ни была ночь, я всегда начинаю утро с пробежки или тренировки. Отлично вымывает токсины.

— Я предпочитаю душ, — парировала я, поднося молоко к губам. Его ухмылка стала еще шире и наглее.

— Это приглашение?

Я замерла с рукой на полпути ко рту.

— Приглашение куда? — приподняла я бровь.

— В душ. С тобой.

По телу снова прокатилась волна жара. Перед глазами тут же вспыхнули слишком яркие картины: вода, стекающая по его плечам, пар, капли на коже, его руки, упирающиеся в плитку...

Черт.

Я нахмурилась.

— Иди на хер.

Запрокинув голову, я сделала долгий глоток, надеясь, что холодное молоко погасит пожар внутри. Я буквально кожей чувствовала его взгляд, мысленно стягивающий с меня широкую футболку. Подол задрался, открывая ему отличный вид на мое белье. Но мне было плевать. Пусть смотрит.

Закончив пить, я закрутила крышку и убрала упаковку обратно. Бутерброды выглядели идеально: мягкий хлеб без корочки, тонкая ветчина, хрустящая зелень и сочные помидоры. Конни делала их специально для меня каждое утро. Я взяла один треугольник и откусила. Глаза сами закрылись от удовольствия. Тихий, произвольный вздох сорвался с губ.

Я открыла глаза, чтобы взять вторую половину, но тарелка оказалась пуста. Мой бутерброд был на полпути ко рту Эрона.

— Положи сейчас же, — сказала я сквозь зубы. — И держи свои потные лапы подальше от моей еды. Хочешь есть — открой холодильник и возьми сам!

На его губах расцвела наглая улыбка. Он медленно откусил кусочек и слизнул соус с большого пальца.

— А знаешь... кажется я уже нашел кое-что аппетитнее. Это была чистой воды бесстыдная провокация. Ни один мужчина не позволял себе так откровенно флиртовать со мной с тех пор, как я начала встречаться с Мэттом.

— У тебя нет шансов, — отрезала я.

Какого черта я делаю?

Эрон — брат жениха моей лучшей подруги. Я помолвлена

с сыном сенатора. Все это было чистейшим безумием. Катастрофой. Так почему я не могу остановиться?

Улыбка Эрона стала еще шире.

— Звучит как вызов, — он выпрямился, расправил плечи и хрустнув позвонками. — Знаешь, дикая... мои руки могут причинять боль или доставлять удовольствие. А иногда — и то, и другое одновременно.

Я еле-еле сохранила скучающую маску.

— Выходит, без рук ты вообще ни на что не годен?

Глаза Эрона потемнели.

— Хочешь проверить свою теорию?

Я скрестила руки на груди.

— И каким волшебным образом ты собираешься это делать?

— Если твои соски затвердеют без единого прикосновения, — его взгляд бесстыже скользнул вниз и задержался на моей груди, — ты должна мне массаж.

Ответ сорвался с губ раньше, чем я успела подумать о последствиях.

— Идет.

Эрон радостно хлопнул в ладоши и направился к холодильнику. Открыл морозилку, достал кубик льда и ловко зажал его зубами. Я наклонила голову, наблюдая за ним.

— Ты отморозишь себе лицо, и его придется ампутировать.

Он аккуратно вынул лед изо рта.

— Мне нравится, как ты беспокоишься о моем лице.

— Только в твоих влажных снах, — огрызнулась я, чувствуя, как кровь снова приливает к щекам.

Ледяной кубик снова исчез у него между зубов. Эрон подошел ко мне, заставляя отступить на шаг, потом еще один, пока спина не уперлась спиной в кухонный остров. Сильные руки легли на мрамор по обе стороны от меня, запирая в клетку из мышц и абсолютной самоуверенности.

Я зажмурилась, пытаясь вызвать в голове самые отвратительные сцены из фильмов ужасов. Нужно было что-то, что заглушит эту сводящую с ума потребность. Я теряла счет времени. Теряла себя в его присутствии.

Лед коснулся моих губ. Вздох застрял в горле. Шокирующий холод обжег кожу. Одинокая капля талой воды скатилась с подбородка вниз по шее и исчезла под вырезом футболки.

Тело пронзила дрожь. Кожа покрылась мурашками. Мятное дыхание Эрона коснулось моего рта. Он медленно водил льдом по приоткрытым губам, потом отстранился.

Я должна была остановить его. Должна была оттолкнуть. Вместо этого кончик языка скользнул по губам, ловя прохладные капли.

Довольный моей реакцией, Эрон приблизился снова. Наклонил голову, обвел раковину уха, спустился по шее, оставляя мокрый след. Лед скользнул по ключице. Сдавленный стон сорвался с моих губ.

Нет, черт. Боже!

Лед опустился ниже, оставляя влажные круги на ткани футболки над грудью. Тело выгнулось дугой. Я ахнула — слишком громко, громче, чем когда-либо с Мэттом. Эрон хмыкнул и продолжил сладкую пытку, выписывая медленные круги. Тонкая ткань промокла насквозь и прилипла к коже. Сосок предательски затвердел, выдавая меня с голо-

вой.

Эрон уже занимался вторым. Снова холод. Снова мучительная сладость. Я мысленно молилась, чтобы никто не зашел на кухню.

Внезапно, холод исчез. Я открыла глаза и утонула в торжествующем, наглom взгляде.

Эрон вскинул бровь и посмотрел вниз, вынуждая последовать за его взглядом. Моя футболка стала почти прозрачной. Две затвердевшие бусины отчетливо проступали сквозь мокрую ткань.

От стыда мне хотелось провалиться сквозь землю.

Эрон с хрустом раздавил остаток льда зубами.

— Похоже, я выиграл. Теперь твоя очередь.

Я скрестила руки, пытаюсь прикрыть грудь.

— Ложись на диван, — процедила я сквозь зубы. — Давай покончим с этим.

Эрон послушно растянулся на животе, сложив руки под подбородком. Я выдохнула, пытаюсь успокоить нервы, и подошла ближе. Ладони прижались к его плечам и надавила. Это было все равно что пытаться размять гранит.

— Если бы я хотел почесать спину, — лениво протянул он, не поворачивая головы, — я бы просто потерялся о ближайшее дерево.

— Я не умею делать массаж, — огрызнулась я, даже не пытаюсь скрыть раздражение.

— Садись на меня сверху. Так будет проще и удобней.

Я закатила глаза. Эрон явно не собирался отступать.

— Мудак, — пробормотала я и неуклюже забралась на диван.

Усевшись на него верхом, я какое-то время просто смотрела на его широкую, накаченную спину. Я снова уперлась ладонями в плечи и надавила сильнее. Пальцы искали узлы в мышцах, вминались в горячую кожу. Мне было плевать, больно ему или приятно. Честно говоря, я бы предпочла первое — так было бы проще думать о чем-то кроме того, как под моими руками перекачиваются его мышцы. От напряжения быстро начали ныть кисти. Я приподнялась, перенесла вес и потянулась к основанию шеи. Пальцы скользнули вверх по позвоночнику медленнее, чем нужно. Эрон опустил лоб на руки. Я нашла чувствительную точку и нажала. Стон вырвался из его груди — низкий, почти неприличный, и вибрация отозвалась прямо между моих бедер.

Я замерла на долю секунды.

Просто боль. Просто гребаная боль.

Я убедила бы себя в этом. Но пальцы не продолжали двигаться сами, прослеживая линию плеч, вдоль лопаток, снова вниз. Если бы я не замечала, как он едва заметно задерживает дыхание каждый раз, когда я нахожу нужное место. Если бы мне не хотелось услышать этот звук снова.

Я продолжила мять его мышцы, одновременно изучая тело. Вдоль позвоночника тянулись черные геометрические тауировки, напоминающие металлический экзоскелет. Я про-

вела ногтем по одной из линий, следовала за ней от лопатки вниз, до поясницы. Эрон не пошевелился, но его дыхание стало чуть глубже.

Под чернилами прятались шрамы. Я почувствовала их раньше, чем увидела. Один. Еще один. Я начала считать и сбилась.

— Откуда это? — тихо спросила я, проводя пальцами по неровной коже на лопатке.

— Пуля прошла навывлет, — ответил он так небрежно, будто речь шла о царапине.

Я нахмурилась и сильнее нажала на шрам.

— Кто-то пытался тебя убить?

Мышцы под моими руками напряглись.

— Это моя работа, — пробормотал он. — Люди пытаются убить меня. Я убиваю их первым.

Меня пробрала дрожь. Реджи упоминала, что Эрон — наемник. Но только сейчас я начала понимать, что это значит на самом деле. Я не думала о пулях, или о том, что живое тело под моими ладонями кто-то однажды хотел сделать мертвым.

— Сколько людей ты убил? — спросила я.

Эрон фыркнул.

— Мы играем в «Двадцать вопросов»?

— Не будь засранцем. Я просто спрашиваю.

Он шевельнулся подо мной.

— Я отвечу, если потом ты ответишь на мой.

— Ладно, — вздохнула я. — Так сколько?

Эрон помолчал. Когда он заговорил, в его голосе не осталось привычной насмешки.

— Много.

...Я со всей силы ударила его кулаком под ребра. Вложила в удар всю злость, и чуть не вывихнула запястье. Эрон охнул и рассмеялся. Я уже заносила руку для второго удара, когда он внезапно перекатился, мгновенно переворачивая ситуацию.

Пальцы сомкнулись на моих запястьях, как стальные браслеты. Я вскрикнула. Эрон лежал лицом ко мне, и я оказалась сверху, прижатая к нему. Сквозь тонкую ткань штанов я отчетливо чувствовала его твердое возбуждение.

— Один вопрос, — прошептал Эрон, ухмылка играла губы. — Ответь, и я отпущу тебя.

— Ладно.

Его улыбка стала хищной.

— Какая у тебя самая любимая поза в сексе?

Внутри что-то оборвалось. Я ожидала чего угодно, но только не такого вопроса.

Секс с Мэттом был... обычным. Скучным. Пресным.

— Сверху, — ответила я, пока стыд сдавливал горло.

Эрон медленно положил мои руки себе на грудь. Под ладонями чувствовалось спокойное биение сердца.

— Как сейчас? — его голос стал ниже. — Повезло же Мэтту. Я бы смотрел на тебя не отрываясь...

— Он выключает свет. И зашторивает окна, — быстро выпалила я, ненавидя себя за эти слова.

Эрон замер. Его глаза потемнели.

— Ну и мудак, — прорычал он и крепко сжал мои бедра. — Я хотел бы видеть тебя всю. Как меняется твое лицо, когда ты перестаешь себя контролировать...

Он начал двигать мои бедра, имитируя грязный ритм. Я чувствовала, как его член давит на меня сквозь ткань. Ногти впились в его грудь.

— ... как раскрывается твой рот, когда ты стонешь, — его большой палец скользнул по моим губам.

Я выхожу замуж за Мэтта. Я выхожу замуж за Мэтта. Я выхожу за—

Блять. К черту здравый смысл.

Эрон просунул большой палец мне в рот. Я втянула щеки и обвела его языком.

— Твою мать... — сдавленно выдохнул он. Его бедра толкнулись вверх, трахая меня через тонкое белье. Трение сквозь ткань было почти невыносимым — слишком много и катастрофически мало одновременно.

— Хочу увидеть, как ты кончаешь, — голос сорвался на рычание, — когда мой член глубоко внутри тебя...

Я громко застонала, но почти не слышала себя. Пульс грохотал в ушах, тепло нарастало волнами. Трение посылало искры удовольствия по всему телу. Я была на грани.

Не останавливайся.

Голова запрокинулась. Рука Эрона скользнула вверх и обхватила мою шею, сжав с неожиданной силой. Волна тока пронзила тело. Желание перешло точку невозврата.

— Конни, дорогая, что у нас на завтрак? — голос Аполло прозвучал как пушечный выстрел.

Я сорвалась с Эрона так быстро, что едва не рухнула на пол. Споткнулась о столик, чудом удержавшись за столешницу.

— Аполло... — хрипло выдавила я. Все тело горело от стыда.

Аполло неторопливо вошел на кухню. Его взгляд скользнул по мне, потом по Эрону, который все еще лежал на диване с самой самодовольной ухмылкой на свете.

Я дышала так, будто только что пробежала марафон.

— В холодильнике... полно вчерашней еды, — удалось выдавить мне.

— Идеально, — усмехнулся Аполло.

О боже. Как долго он там стоял?

Желудок перевернулся. Меня сейчас стошнит.

— Вчера так и не попробовал жареное мясо, — спокойно сказал Аполло, открывая холодильник.

Я обернулась. Эрон уже поднимался с дивана. Мой взгляд прилип к откровенной выпуклости на его штанах.

Твою мать.

— Я, пожалуй, пойду в душ, — объявил Эрон, на губах играла все та же наглая ухмылка. — Утро выдалось на редкость... жарким.

Он многозначительно подмигнул мне и вышел из кухни с видом полного победителя. Аполло протянул мне контейнер с едой. Его улыбка была пугающе похожа на улыбку брата.

— Кусочек мяса хочешь?

Глава 5. Эрон

Я захлопнул за собой дверь спальни и наконец выдохнул. Вчера мне было лень распаковывать вещи, так что сумка так и валялась в углу, где я ее бросил.

Я схватил ноутбук и плюхнулся на кровать. Экран ожил от прикосновения пальца, запуская программу сканирования. Строки кода побежали вниз, вылавливая все устройства в радиусе ста метров. Несколько неудачных попыток — телефон Аполло, чьи-то Bluetooth-наушники, пара «iPhone».

И — бинго.

На экране всплыло уведомление:

«Внимание! Доступ к конфиденциальным данным. Первый секрет: Оливия любит пиццу больше, чем людей».

— Еще бы, — саркастически усмехнулся я и нажал Enter.

Система мгновенно взломала ее телефон. Сообщения, список звонков, голосовые заметки, напоминания о приеме противозачаточных, календарь цикла.

Пuls ускорился, когда я наткнулся на подборку фотографий, которые она отправляла Мэтту. Селфи в зеркале в кружевном белье, облегающем ее убийственные изгибы. Дразнящие ракурсы соблазнительны, но без пошлости. Мэтт в ответ слал ей самые жалкие и бездарные дикпики, какие я только видел в жизни.

— Блять... боже, — злобно выдохнул я сквозь зубы, с глу-

хим стуком захлопнул ноутбук и встал. Нужно было срочно сбросить напряжение.

Душ обдал меня кипятком, обжигая кожу, но это ни черта не помогло. Член снова стоял колом от воспоминаний об утре. Оливия, оседлавшая меня на диване, ее соски, проступающие сквозь тонкую ткань, и эти чертовы фотографии, которые только подлили масла в огонь.

Я уперся одной рукой в плитку, а второй с силой обхватил ноющий член. Дыхание сбилось. Я представлял Лив перед собой на коленях. Губы приоткрыты, глаза смотрят снизу вверх, умоляющие накормить ее моей спермой.

Это не заняло много времени. Пара резких, злых движений, и сдавленный стон вырвался из груди. Горячая вода смыла все, но напряжение никуда не делось. Оно только усилилось. Я натянул джинсы и белую футболку, спустился вниз.

Аполло уже ждал меня в гостиной. Сегодня у нас была запланирована примерка костюмов, а вечером — встреча с Сетом и Финном в ночном клубе.

Я сел в свой черный «Мустанг» и провел ладонью по рулю. Машина стояла в гараже поместья все то время, пока меня не было. Леон следил за ней, как за своей. Это была моя первая серьезная покупка на собственные деньги. Даже спустя годы она выглядела безупречно. Когда Аполло впервые увидел ее, он обозвал мою малышку «рухлядью». Я не разговаривал с ним три дня, пока он не извинился перед тачкой. Мы с Леоном полгода возились в гараже, возвращая ей прежний вид. Ни за что на свете я не променял бы ее на другую.

Аполло плюхнулся на пассажирское сиденье и сразу полез в мой плейлист.

— Так что, блять, случилось между тобой и Лив на кухне? — спросил он, не поднимая глаз.

— Ничего особенного, — ухмыльнулся я, переключая передачу.

Аполло фыркнул.

— Чувак, я тебя слишком хорошо знаю. То, что было между вами точно не пахло свежей выпечкой.

Я вдавил газ. «Мустанг» зарычал, и мы вылетели за ворота на открытую дорогу.

— Ждешь какого-то признания? — я заметил, как в его глазах пляшет злорадство.

— Не-а, — брат нажал «play», и динамики взорвались тяжелыми гитарными риффами и яростными барабанами. — Просто хочу убедиться, что ты понимаешь, в какое дерьмо вляпываешься.

Я приподнял бровь.

— Просвети меня.

Аполло откинулся на сиденье, закинув ногу на кожаную обивку. Его лицо стало серьезным.

— Мэтт — конченное дерьмо. Контролирующий психопат, — в голосе брата слышалась настоящая злость. — Он вцепился в Лив, когда она была совсем девчонкой. Вырвал ее из привычной жизни, отрезал от всего, что она любила. Он изменяет ей постоянно и все это знают. А она каждый раз прощает его. Может, он промыл ей мозги, а может, просто запугал так, что она боится вздохнуть без его разрешения. Не знаю. Но знаю одно: Оливия — часть нашей семьи. И никто из нас не хочет снова видеть, как ее сердце разбивается на куски.

В груди медленно разгорелось пламя, разливаясь по венам. Пальцы сильнее сжали руль.

— То есть у меня сто чертовых причин всадить ему пулю в лоб? — пошутил я, хотя в этот момент был абсолютно серьезен.

Аполло покачал головой.

— Просто... будь аккуратнее. Если ты устроишь драку на нашей свадьбе и испортишь ее из-за Мэтта, Реджи тебя при-

кончит.

Мы въехали в центр города и припарковались перед элегантным зданием одного из самых эксклюзивных ателье в округе.

Почти сорок лет назад никому не известный итальянский иммигрант по имени Альонсо сшил свадебный костюм для нашего отца. У Джеймса Экхарда тогда не было ни гроша, но Альонсо отказался брать даже цент. «За настоящую любовь я не беру платы», — сказал он тогда.

С тех пор многое изменилось. Отец заработал миллионы и щедро отплатил мастеру, вложившись в его бизнес. Сегодня «Conietti Atelier» считался вершиной портновского искусства. Но, несмотря на то что он одевал самых влиятельных людей города, Альонсо по-прежнему отказывался брать деньги с нашей семьи.

Как только мы вошли, нас встретила высокая сексуальная блондинка-помощница с большими выразительными глазами. Она протянула приветственные бокалы шампанского. Я отказался и взял бутылку воды, а Аполло попросил чашку кофе.

— Вся эта свадебная хрень превращает меня в чертову зефирку, — пробормотал он, потирая виски. — Я не могу принять ни одного решения, не чувствуя дыхание Реджины у себя на затылке.

Мы прошли в примерочную. Альонсо сидел на корточках, подправляя край брюк. Завидев нас, он вскочил и расплыл-

ся в теплой улыбке. Не раздумывая, заключил нас обоих в крепкие объятия.

— *Miei ragazzi!* — воскликнул он и, по старой итальянской традиции, расцеловал каждого в обе щеки. — Эрон, *figlio mio*, как же я рад тебя видеть!

Мы немного поболтали о делах и свадьбе. Он жаловался, какой головной болью оказалось найти нужный оттенок синего шелка, на котором настаивала Реджина. Альонсо хлопнул в ладоши, подзывая подмастерьев помочь мне влезть в смокинг.

— Святой Иисус, Эрон, да когда ты перестанешь набирать массу? — простонал Аполло, когда пиджак натянулся на моих плечах, грозя разойтись по швам, стоило мне поднять руки.

Я усмехнулся.

— Может, если бы кое-кто дождался моего возвращения, вместо того чтобы использовать мой выпускной костюм как шаблон, у нас бы не было этой проблемы.

Аполло отмахнулся и отпил горячий кофе.

— Вали все на мою ненаглядную невесту. У нее были образцы тканей, таблицы оттенков, бесконечные доски в Pinterest. Я просто пытался выжить.

Альонсо улыбнулся, орудуя мелом и булавками.

— Не переживай, *caro*. Мы подгоним все идеально к великому дню. Брат жениха от *Conietti* не может выглядеть иначе. Как только он закончил со мной, сразу переключился на

Аполло. Я опустился в кожаное кресло, наконец позволив себе расслабиться, и взял в руки телефон.

Глава 6. Оливия

— Если ты и дальше будешь худеть, платье не сядет так, как должно.

Анна отчитывала Реджи уже в третий раз за сегодня. Каждая примерка превращалась в одно и то же театральное представление. Анна ворчала, Реджина делала вид, что внимательно слушает, а я наблюдала за этим шоу. Я с наслаждением отправила в рот еще одно пирожное с кремом. Реджина села на новомодную «зеленую детокс-диету», убежденная, что через месяц должна выглядеть «безупречно».

— Я видела всех бывших Аполло, — сказала она, поднимая руки, пока Анна измеряла ей грудь. — Каждая из них была тощей сукой с идеальными сиськами.

— Ключевое слово — *бывшие*, — я слизнула остатки крема с пальца. — Аполло боготворит твои формы.

Реджина театрально вздохнула, признавая поражение.

— Ладно. Обещаю — больше никаких изменений в теле.

Анна фыркнула себе под нос, явно не веря ни единому слову, но благоразумно промолчала.

Я откинулась на спинку дивана и утонула в бархатных подушках, делая глоток прохладного сока.

Мы провели целую вечность в "Westfield Bridal Gallery", пока Реджина не перемерила сотню платьев всех оттенков белого и кремового. В итоге она остановила свой выбор на

шедевре от Elie Saab — каскаде струящегося шелка цвета слоновой кости с пятиметровым шлейфом и тысячами искусно вшитых жемчужин, которые вспыхивали при каждом движении. Когда Реджи впервые вышла из-за портьеры в главный зал, у меня буквально перехватило дыхание. Слезы мгновенно навернулись на глаза у всех, кого она позвала с собой в салон.

Платья подружек невесты были скромнее, но не менее красивые — воздушные, как наряды лесных нимф, с открытыми плечами и изящным кружевом. Высокий разрез позволял мельком увидеть шелковые подвязки насыщенного сапфирового цвета.

Я потянулась за телефоном и едва успела скользнуть взглядом по экрану, как кровь прилила к щекам.

Ты думала обо мне после нашего утра? — Э.

Я поперхнулась шампанским, едва не выронив телефон.

Твою мать.

Одного воспоминания хватило, чтобы кожа покрылась мурашками.

Оливия: Откуда у тебя мой номер???

Эрон: Выклянул у Аполло. Ты не ответила на мой вопрос.

Оливия: Не хочу тебя разочаровывать.

Эрон: Забавно... потому что я думаю о тебе весь день. О твоих столах. Они до сих пор звучат у меня в голове.

Рубашка внезапно стала невыносимо тесной. Воротник

душил.

Оливия: Тебе померещилось! Я НЕ стонала!!!

Эрон: Продолжай врать себе дальше, дикая. Но если я сейчас понюхаю свои штаны, готов поклясться — они до сих пор пахнут тобой.

Предательская жара сжалась внизу живота и разлилась между бедер.

Оливия: Ты просто конченный извращенец)))

Эрон: А ты пахнешь потрясающе. Я бы даже сказал... опьяняюще.

Волна откровенной, развратной жажды пронзила все тело. Я сжала ноги и прикусила губу, отчаянно пытаюсь прогнать образы: его руки, прижимающие меня, его губы на моей коже...

Нет. Нет. НЕТ. Хватит!

Оливия: Прислать тебе мое нижнее белье, чтобы облегчить твои страдания?

Эрон: Я бы предпочел кое-что другое.

Оливия: Например?

Эрон: Фото. Что-то, что сделает мой вечер... интересным.

Я хихикнула и быстро сделала снимок своей левой руки с обручальным кольцом. Пусть помучается.

Эрон: Ммм. Я прямо вижу, как эти нежные пальчики скользят по...

Оливия: Это фото МОЕГО кольца. От МОЕГО жениха.

Эрон: Выброси его. Оно тебе не идет.

Голос Реджины выдернул меня обратно в реальность.

— Ты меня вообще слушаешь?

Я моргнула. Она, видимо, звала меня уже не в первый раз.

Идеально очерченная бровь приподнялась.

Черт.

Я надеялась, что пылающие щеки не выдадут, о чем я только что думала. И какой эффект это произвело на мое тело.

— Да... просто задумалась, — соврала я, стараясь звучать непринужденно. — О чем ты говорила?

— Я спросила, когда приезжает твоя мама, — Реджи снова повернулась к зеркалу, изучая, как ткань ложится на бедра.

— А, точно. На следующей неделе, — мой разум все еще был затуманен. — Она до сих пор на пляже в Греции.

Реджина радостно кивнула и продолжила любоваться собой. Я снова уткнулась в телефон.

Оливия: Купишь мне новое??

Эрон: Какое ты хочешь?

Оливия: С огромным черным бриллиантом.

Эрон: Считай, оно уже твое. Как проходит примерка?

Я взглянула на Реджи, которая с горящими глазами рассказывала Анне о планах на медовый месяц, который, к сожалению, пришлось отложить из-за важной сделки корпорации Экхард.

— А в среду у нас дегустация свадебного торта! — Реджина закружилась на месте.

— Как ты собираешься что-то дегустировать, сидя на своей дурацкой диете? — язвительно спросила Анна.

Я рассмеялась.

— О, у меня все продумано, — Реджи озорно подмигнула своему отражению. — Буду либо облизывать кусочки, либо жевать и выплевывать. Ноль калорий.

— Боже, ты совсем рехнулась! — меня разобрал дикий смех. Схватившись за бок, я быстро напечатала ответ.

Оливия: Реджина снова ушивает платье. Уже в третий раз за месяц. Эта сучка продолжает худеть))) Завидую ей. Ха-ха.

Ответ пришел почти мгновенно.

Эрон: Мне нравится твое тело именно таким, какое оно есть!

Эрон: Как насчет свидания?

Оливия: На случай, если ты забыл — я выхожу замуж в следующем году.

Эрон: Я что-то не вижу твоего тупого жениха поблизости, так что это не считается.

Мэтта не было уже почти две недели. Он мотался по Среднему Западу, собирая средства для республиканской партии. Звонил через день — обычно уже изрядно выпивший, с музыкой и смехом на фоне. Каждый разговор был одинаковым: как они «разнесли в пух и прах демократов». И он ни разу не спросил, как проходят мои дни. А когда я пыталась рассказать, то Мэтт быстро сворачивал разговор, бросал небрежное «люблю» и вешал трубку.

Я посмотрела на экран, колеблясь всего секунду.

Оливия: Ладно. Только один раз. И это НЕ свидание!

Эрон: Как скажешь)) Обещаю вести себя прилично.

Оливия: ЛОЛ. Я постараюсь держать свои соски под контролем.

Святое дерьмо.

Почему я это написала? Или, может, впервые за долгое время я наконец писала то, что действительно хотела.

Эрон: Черт. Опять вспомнил о них. Пожалуй, совершу быстрое путешествие в душ.

Я засмеялась, прикрыв рот рукой, чтобы Реджина не заметила.

Оливия: Увидимся, придурок))

Эрон: Увидимся, дикая.

После примерки мы с Реджи зашли в нашу любимую итальянскую трамторию. Я заказала легкий салат и кусок пиццы. Реджина осталась верна своему зеленому смузи.

— Я сегодня вернусь поздно, — сказала я, допивая све-

жий сок. — Если не закончу эту чертову картину, мне конец.

Реджи надула губы и принялась тыкать соломинкой в лед.

— Я думала, мы сегодня посмотрим фильм. Аполло с Эроном идут в клуб.

— Не могу, — извинилась я, проверяя время на телефоне.

— Раз парни развлекаются, может, ты сходишь с девчонками в другой клуб? Оторвись, закажи пару стриптизеров.

Реджи рассмеялась и покачала головой.

— Без тебя, Лив? Ни за что. На стриптизеров весело смотреть, только когда мы вместе оцениваем их задницы.

Мы крепко обнялись на прощание у выхода. Я поймала такси, села на заднее сиденье и мысленно приготовилась к долгим часам, закрытым в мастерской.

Глава 7. Эрон

Это был уже третий клуб за вечер. Мы методично обходили все лучшие заведения района, в которых тусовались каждый раз, когда возвращались в город. Здание сотрясало от тяжелых басов техно музыки. Повсюду мелькали полуголые тела, покрытые флуоресцентной краской. Несколько девушек обходились краской вместо одежды. Мы сразу прошли сквозь толпу и заняли свой привычный столик в VIP-зоне. Моя стая снова была в сборе.

Сет — высокий и жилистый. На его лице почти никогда ничего не отражалось, кроме легкой скуки. Финн, чье медвежье телосложение и вечная широкая улыбка отлично скрывали умение разбирать и собирать любой механизм. Или любого человека. С одинаковой бесстрастной точностью.

Официантка в наряде из трех ленточек принесла выпивку. Аполло — бутылку пива, Сету — четыре шота текилы, Финну — яркий коктейль с зонтиком и вишенкой. Передо мной она поставила чистый виски со льдом, который должен был смыть навязчивый образ пары черных глаз.

— Наконец-то, — Финн поймал вишенку ртом на лету и расплылся в довольной ухмылке. — Можно расслабиться.

Я усмехнулся и залпом выпил свой стакан. Алкоголь обжег горло, но ни кайфа, ни забвения не принес.

— Расслабиться? — Аполло обвел взглядом танцпол. —

Держу пари, через пятнадцать минут к тебе прилипнет стая голодных женщин с силиконовыми сиськами.

— Ко мне липнут только натуральные, — парировал Финн, похлопав себя по широкой груди.

Сет молча опрокинул стопку, поставил ее на стол и сразу взял следующую. Его холодный, оценивающий взгляд скользил по клубу, как по полю боя. Брат оказался прав. Не прошло и десяти минут, как к нашему столику подошли первые «охотницы» — две миловидные блондинки в блестящих мини-платьях.

— Скучаете, мальчики? — громко спросила одна, перекивая музыку. Ее взгляд сразу прилип к Аполло, легко считав в нем самого богатого из нас.

Аполло включил свое обаяние, всем видом вежливо показывая, что она ему не интересна. Финн разглядывал вторую с чисто техническим интересом. Сет проигнорировал обеих, как мебель. Девушка, которую отшил Аполло, перевела свой жадный взгляд на меня. Ее глаза прошлись по моим кедам, брюкам, белой футболке и остановились на хмуром лице. Она подошла ближе, ее бедро коснулось моего колена.

— Угостишь меня виски, красавчик?

Я обвел ее таким же оценивающим взглядом. Красивая. Ухоженная. И абсолютно пустая. Как только что стрелянный патрон — блестящий снаружи и полый внутри.

— Нет, — отрезал я.

Ее улыбка не дрогнула, но в глазах мелькнуло раздраже-

ние.

— Если не хочешь купить выпить, тогда хотя бы потанцуем?

Я посмотрел на остатки янтарной жидкости в стакане, потом снова на нее.

— Я не танцую.

Она надула губки, изобразила обиду и отошла, бросив через плечо: «Ну и ладно, придурок». Финн свистнул ей вслед.

— Черт, Хаунд, ты мог бы хотя бы поиграть с ней. Чисто из спортивного интереса, как раньше.

Я промолчал. Напряжение в плечах нарастало. Музыка, алкоголь, доступные женщины теперь казались выцветшими картинками по сравнению с моей Оливией. Я бы с легкостью бросил сейчас парней, чтобы оказаться рядом с ней.

— Эй, смотри, кто здесь, — Аполло толкнул меня локтем и кивнул в сторону входа.

Через зал к нам шла женщина в обтягивающем красном платье. Длинный синтетический парик светился в неоновом свете.

— Босс здесь, — протянул Финн, вытягиваясь и поправляя пиджак. — Как ей, блять, постоянно удается нас находить?

— Она установила трекер Эрону в задницу, — усмехнулся Сет, выпивая третий шот.

— Мы постоянно ходим в один и тот же клуб, придурок, — ответил я, не отрывая глаз от Дивы.

Она прошла мимо Аполло и Финна и остановилась прямо передо мной.

— Эрон, — произнесла она низким, чуть хриловатым голосом.

— Дива, — кивнул я, не предлагая ей сесть.

— Составишь мне компанию в баре? Всего один коктейль, — она нежно улыбнулась, но я знал, что в этой улыбке не

было ни капли нежности.

Финн под столом пнул меня по ноге и одобрительно подмигнул. Сет взял четвертую текилу и полностью отключился от реальности.

Я поднялся.

— После вас, мэм.

Дива улыбнулась, взяла меня под руку, и мы направились к бару. Ее тело плотно прижималось ко мне. Она, как обычно, пахла дорогим пряным парфюмом, от которого меня начало мутить. Она что-то говорила, а я отвечал ей на автомате.

У стойки я заказал ей мартини, себе — еще один виски. Дива повернулась ко мне, опираясь локтями о бар. Платье натянулось, подчеркивая линию груди.

— Ты не заехал в Бюро. Я ждала тебя, — сказала она, поднося бокал к губам. В глазах играл возбужденный блеск.

— Я был занят.

— Обычно ты не занят для меня, — игриво обиделась она. — Я получила твой отчет. Тот, что ты так любезно отправил мне по почте.

— Ага, — я сделал глоток.

Она коснулась моей руки. Я посмотрел на ее длинные ухоженные пальцы с идеальным маникюром. Они вызвали странное ледяное онемение. Сразу вспомнились другие пальцы. По спине пробежали мурашки. Член, до этого момента равнодушный, отозвался предательским импульсом.

— Все в порядке? — Дива нахмурилась, почувствовав напряжение.

— Да, — я отстранился и прикончил виски. — Просто шумно.

Она не отступила. Ее рука легла мне на колено и медленно поползла вверх по внутренней стороне бедра.

— Может, сменим обстановку? — прошептала она мне на ухо. — Снимем наш номер в отеле.

Вот он. Момент выбора. Кивнуть. Встать. Уйти с ней. Вернуться к старой, проверенной схеме. К жизни, где не было места сложным чувствам. Одна часть мозга — примитивная, животная — рычала:

«Она здесь. Она хочет. Она готова. Возьми ее. Выпусти пар. Забудься в ее теле. Это то, что ты всегда делал».

Другая часть — новая, тревожная и навязчивая — шептала:

«Это не та. Она пахнет не так. Смотрит не так».

Я посмотрел на ее руку на своем бедре и аккуратно, но твердо убрал ее.

— Извини, но нет.

Ее лицо вытянулось от удивления, потом покраснело от обиды.

— Seriously?

— Seriously.

Она резко встала и, не сказав ни слова, развернулась и ушла.

Я вернулся к столу. Аполло и Финн о чем-то оживленно спорили. Сет курил электронную сигарету, выпуская тонкие струйки пара. Финн заметил меня первым и округлил глаза.

— Блять, Эрон, ты совсем спятил? Ты только что отшил босса!

Аполло посмотрел на меня с понимающим выражением.

— Все в порядке, бро?

— Да, — я провел рукой по лицу, чувствуя внезапную усталость. — Просто... устал.

— Цель не та, — спокойно произнес Сет. Мы все повернулись к нему. Он медленно выпустил облако пара и добавил, глядя в пустоту: — Она красивая и властная. Но не стоит того, чтобы тратить на нее свои жизненные ресурсы.

Финн громко расхохотался.

— Черт, Сет, иногда мне кажется, что у тебя вместо сердца — дыра.

Сет был прав. Черт возьми, как он был прав. Это было бессмысленно. Пустая трата энергии. Финн завел разговор о старых знакомых из общего прошлого. Я кивал, делал вид, что слушаю, но мысли были далеко. Я пил молча, не участвуя в веселье, и пытался понять, что, черт возьми, со мной происходит. Почему образ Оливии встал у меня на пути, как бетонная стена, перекрывая все остальные маршруты? Она помолвлена. Она связана с ублюдком, которого я презирал. Это было проблемой. Головной болью.

— Я пошел, — допив виски, я встал с дивана.

— Уже? Мы только начали.

— У меня дела, — соврал я.

Какие, к черту, дела? Вернуться в пустую комнату и пялиться в потолок.

— Ладно, — Аполло обнял меня. — Увидимся завтра.

Я кивнул, попрощался со всеми и направился к выходу. На улице воздух был холодным и чистым после клубной духоты. Я сделал глубокий вдох и невольно улыбнулся.

Глава 8. Оливия

— Добрый вечер, мисс Ливия, — радостный голос Хакима привычно встретил меня в фойе.

Он работал охранником в мастерской уже больше десяти лет и всегда был искренне вежлив во мной. Никогда не ограничивался формальным кивком и всегда спрашивал, как дела, терпеливо выслушивая мои возмущенные тирады о «шедеврах», которые иногда приносили на реставрацию. Сам он не был большим знатоком искусства, но в его глазах светилось неподдельное любопытство. Иногда он заходил в студию, смотрел, как я кропотливо возвращаю жизнь очередному холсту, и просил рассказать его историю.

— Привет, Хаким, — я поставила перед ним стакан кофе. — Черный. Один сахар.

— Вы моя спасительница, — простонал он, делая первый обжигающий глоток. — Все еще работаете над «Конфедератами»?

— Да, — тяжело выдохнула я, открывая дверь мастерской. — Нужно закончить эту гадость сегодня. Люди из департамента приедут забирать ее утром.

— Тогда не буду вас беспокоить, — улыбнулся он и вернулся к маленькому телевизору в углу, где шел старый боевик девяностых. — Но если понадобится компания — вы знаете, где меня найти.

Я улыбнулась ему в ответ и вошла в студию, щелкнув выключателем. Просторная комната на последнем этаже галереи давно стала моим личным убежищем. В центре стоял массивный регулируемый мольберт, сделанный по моим чертежам. Вдоль стен тянулись полки с кистями, мастихинами и тубиками краски всех возможных оттенков. Рядом скромно размещался шкаф с любимыми книгами по искусству и реставрации.

Я бросила сумку на низкий диванчик, который самостоятельно отреставрировала год назад, обтянув синим бархатом.

На рабочем столе меня ждал мой «клиент». Я потратила больше трех месяцев на это монументальное полотно. Какой-то вандал искромсал его ножом и залил краской. Другой отдел отремонтировал холст, а остальное досталось мне.

Закатав рукава, я придвинула лоток с инструментами и включила специальную лампу. Яркий свет стер все тени с поверхности картины. Вставила наушники, нажала play. Музыка волной накрыла сознание, создавая идеальный рабочий кокон и отсекая внешний мир.

Я ненавидела эту картину. На ней был изображен генерал-конфедерат Натан Форрест верхом на белой лошади в ореоле триумфа, окруженный телами павших солдат. Мэтт видел в ней гимн силе и стойкости южан. Я же видела только чистый, неприкрытый ужас. Но, какой бы ни была моя личная оценка, я всегда выполняла работу хорошо.

Взяв тонкую кисть, я принялась за кропотливую очистку

слоей за слоем. Будто пробуждаясь ото сна, на холсте начали проступать настоящие краски. Пожелтевшее восковое лицо генерала постепенно оживало, на щеках появлялся едва заметный румянец.

Через два часа тупая боль между лопатками стала невыносимой. Я резко выпрямилась, и комната тут же поплыла перед глазами. В глазах потемнело, и я вцепилась в край стола, пытаюсь удержать равновесие.

В этот момент зазвонил телефон. Все еще борясь с головокружением, я на ощупь нашла его.

— *Соскучилась?* — бархатный голос Эрона добил мое и без того шаткое равновесие.

— А должна была? — спросила я, пробираясь к дивану.

— *Конечно,* — он тихо рассмеялся. На фоне слышался звук бегущей воды. — *Я тебе нравлюсь. Просто признай это.*

Я закатила глаза, растягиваясь на мягком бархате дивана.

— Ты правда думаешь, что весь мир вращается вокруг тебя? — я поправила подушку под головой и закинула ноги на подлокотник.

— *Мой мир вращается вокруг тебя, дикая.*

Дрожь пробежала по позвоночнику. Как, черт возьми, он это делает? Даже на расстоянии его слова действовали на меня, словно я была наивной восторженной девчонкой. Я должна была сказать ему, чтобы он больше не звонил. Потребовать прекратить флиртовать. Но мне нравилось, как он на-

рушал все мои внутренние границы.

— *Чем ты занята?*— спросил он, закрывая какую-то дверь.

— Реставрирую картину для нового Зала Славы, — пробормотала я, рассеянно проводя пальцами по горлу.

— *И что на ней?*

— Чувак на лошади. В окружении кучи других чуваков. Которые все мертвы.

— *Звучит смертельно скучно.*

— Так и есть. Но я должна закончить ее сегодня, — моя рука спустилась ниже, коснувшись ключицы. — А ты?

— *Только что вернулся из клуба с парнями. Принял душ.*

Телефон завибрировал. Эрон прислал селфи в зеркале. Темные волосы взъерошены, зубная щетка торчит изо рта, капли воды блестят на рельефном торсе. Бедрa обернуты в полотенце, которое, казалось, вот-вот соскользнет. Возбуждение мгновенно запульсировало между ног.

— Ты милый, — мой голос предательски сорвался на хриплый шепот.

Эрон рассмеялся.

— *Спасибо, Лив.*

Повиста пауза, заряженная напряжением.

— *Во что ты одета?*

Черт возьми. Наглость. Высокомерие. Я прикусила губу.

— Мы снова играем в «двадцать вопросов»?

— *Ты жалуешься?* — в его голосе слышалась усмешка, за

которой последовал шелест простыней. Видимо, он устроился в кровати поудобнее.

— Нет, — честно призналась я, игнорируя, как реагирует тело.

— *Хорошо. Тогда отвечай.*

...Я оглядела себя.

— Светлые джинсы. Белая рубашка на пуговицах.

Короткая пауза.

— *Все пуговицы застегнуты?*

— Нет. Две верхние расстегнуты, — прошептала я, пытаюсь уловить малейший шорох в трубке, но слышала только тяжелое, ровное дыхание. — Ты... ты что, трогаешь себя?

В ответ раздался низкий раскатистый смех.

— *Возможно.*

У меня в груди все сжалось.

— *А под рубашкой что-то есть?*

— Конечно. Рубашка слегка прозрачная.

— *Какого цвета?*

— Белого.

Эрон издал довольный стон.

— *Белое нижнее белье...* — выдохнул он. — *Кружевное?*

— Да, сэр, — сорвалось с моих губ, и я невольно улыбнулась.

В трубке воцарилась тишина. Энергетика мгновенно изменилась.

— *«Да, сэр»?* — промурлыкал он. — *Мне это нравится.*

Растегни еще пару пуговиц для меня.

Кровь прилила к щекам, сердце заколотилось. Я летела вниз, в бездну. В объятия мужчины, который мог вытащить из меня любую реакцию: ярость, похоть, желание оторвать ему член и желание, чтобы этот член был глубоко внутри меня.

Я провела языком по пересохшим губам.

— Только если ты сбросишь полотенце.

— *Оно уже на полу, Лив,* — его голос стал шелковой петлей вокруг моей шеи. — *Будь хорошей девочкой и растегни все пуговицы до конца.*

Мои пальцы послушно двинулись, одну за другой освобождая пуговицы.

— *Ты можешь ничего не говорить,* — голос Эрона превратился в инструмент абсолютной власти. — *Я буду говорить. Ты — слушать и делать.*

Я сглотнула.

— *Закрой глаза.*

Я подчинилась, погружаясь во тьму.

— *Почувствуй мою руку на своей шее.*

Это было безумием, но я буквально ощутила фантомное тепло его ладони и тяжелую властность пальцев.

— *Мой большой палец прижимается к маленькой ямочке у основания твоего горла.*

Мои пальцы повторили путь.

— *Моя рука опускается ниже, скользит к твоей идеаль-*

ной груди, — шептал он, и в голосе уже звучало звериное желание. — Ты же не против, да?

— Нет, — мои пальцы нашли и сжали сосок через тонкую ткань бюстгальтера.

В ответ раздался прерывистый выдох.

— *Хорошая девочка.*

Его голос стал грубее:

— *Я чувствую твоё сердцебиение. Частое-частое, просто бешеное. Твои соски уже твердые, Лив?*

— Да, — едва слышно выдохнула я.

— *Я с наслаждением зажал бы их зубами через кружево, будь я рядом.*

Стон вырвался из моих губ. Я была уже на грани. Клитор пульсировал, требуя внимания.

— *Я хочу снять с тебя белье и поиграть с тобой.*

Вся воля растворилась. Осталась только всепоглощающая, отчаянная потребность.

— Сделай это.

— *Я снимаю с тебя белье, — рычал он шепотом. — Зажимаю твою великолепную грудь ладонью. Черт, дикая... ты такая теплая. Такая мягкая... Мой язык скользит по соску, втягивает его глубоко в рот и слегка покусывает. Ровно настолько, чтобы заставить тебя вскрикнуть.*

Спина выгнулась на диване, пальцы впились в бархат.

— А вторая рука?

— *Все еще на твоём горле, — мягко сказал он. — Если*

будешь плохо себя вести, я сожму чуть сильнее.

— Тогда, полагаю, я буду вести себя плохо, — прошептала я с дерзкой улыбкой.

Эрон усмехнулся.

— *Ты хочешь, чтобы я был грубым, да?*

Боже, я играла с дьяволом. И уже не была уверена, что хочу выиграть.

— *Растегни джинсы, Лив,* — в его голосе не осталось ни капли игривости. — *Я хочу, чтобы ты трогала себя, пока думаешь обо мне.*

Пальцы дрожали, но я справилась. Просунула руку под резинку.

— *Ты уже возбуждалась?* — низко рассмеялся он. — *Я знаю, что да. Вся мокрая, стоило мне только заговорить.*

Мои пальцы двигались медленно, дразня себя.

— *Ласкай свой маленький клитор. Представь, что это мой язык. Представь, что я стою перед тобой на коленях, Оливия. Впиваюсь в тебя ртом, заставляя твои ноги дрожать...*

Я нашла чувствительный бугорок и принялась водить по нему кругами, то надавливая, то едва касаясь. Стоны становились громче, полные отчаяния и наслаждения.

— *Да, вот так...* — в его голосе слышалось напряжение, будто он был на грани вместе со мной. — *Думай о том, как я трахаю тебя языком.*

Я полностью потеряла контроль. Тело пылало, сознание

расплывалось. Пальцы скользнули ниже, легко войдя внутрь. Я ощутила влажную, горячую пульсацию.

— *Ты не представляешь, как будет хорошо, когда я наконец доберусь до тебя,* — рычал Эрон сквозь стиснутые зубы. Я слышала влажный ритм его ладони. — *Сначала я раздвину твои ножки и буду вылизывать тебя, пока ты не кончишь. И я выпью каждую гребаную каплю...*

Мои пальцы двигались быстрее. Звезды взорвались перед глазами.

— *...А потом я буду трахать тебя в каждую. Твою. Дырочку. Пока ты не разучишься ходить и не забудешь собственное имя.*

Я захлебнулась криком, зажимая рот рукой, когда оргазм накрыл меня мощной волной, разбивая на части.

Эрон глухо застонал, и этот звук заставил мое тело снова содрогнуться.

— *Вот так, моя послушная девочка...*

Я резко открыла глаза. Дышать было тяжело, словно я вынырнула из ледяной бездны. Мысли путались. Я рывком села на диване. В наушниках тихо играла музыка. Я опустила взгляд.

Все пуговицы на рубашке были застегнуты. Джинсы тоже. Сердце замерло.

О, боже.

Это был сон.

Схватив телефон, я лихорадочно пролиستала сообщения.

Ни одного смс. Ни фото. Эрон ничего не присылал. Я поднялась на дрожащих ногах, едва не рухнув обратно на диван. Пошатываясь, подошла к кулеру, налила стакан воды и залпом выпила. Рука слегка дрожала, когда я наливала второй. Я все еще чувствовала его. Его губы на своей груди. Его руку у горла. Между ног пульсировал влажный жар, заставляя мышцы сладко сжиматься.

У меня огромная двухметровая проблема.

Глава 9. Эрон

Предстоящий разговор с Дивой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.